

Александр Плоткин 8 926 111 62 89

etoplotkin@gmail.com

Сигнал

Роман-гобелен

Пролог.

Как Виктор через двадцать лет встретился со старым другом

Виктор приехал первым. Он поднялся из метро и встал у выхода. Площади перед бульваром больше не было. Её заполнили торговые павильоны, магазин одежды, салон мобильной связи, ресторан «Макдональдс», киоски с журналами, пивом, сигаретами, слойками. Небо закрывали рекламные щиты. Рядом галдели стайки студентов. Каждый хотел сказать своё. Но осмотреться он не успел. Стеклопанельная дверь распахнулась, и прошлое тоже оказалось рядом.

– Витя! – сказал Володя. – Невероятно! Двадцать лет спустя! Здравствуй!

– Здравствуй!

– Я страшно рад тебя видеть!

– Я тоже!

– Ты не изменился!

– Да ну...

Володя расчувствовался. Он всегда был таким: вальяжным и чувствительным. И стал толстым. А Виктор лысел.

– Ты остаёшься совершенно таким же, каким был раньше! Странная вещь! Ты совершенно тот же! Сейчас ты скажешь какую-нибудь свою любимую шутку.

– Ну – куда?

– Пошли куда-нибудь туда!

– Пошли.

По всей улице шёл снос и велось строительство. Котлованы со сваями, каркасы с торчащей арматурой, фасады зданий с пустыми окнами теснились, налезая друг на друга. Было жарко, в воздух поднималась пыль. За котлованами виднелись старые дома, в которых ещё доживали прежние жильцы. Они всегда стояли в глубине, но теперь оказались открытыми, как будто стало видно то, что видеть не полагается.

– Как всё сносят...

– Всюду строят очень быстро!

Они изучали друг друга. Что-то исчезло, что-то осталось. С последней встречи прошло очень много времени. Трудно было начать разговор.

– А давай мы с тобой возьмём и повернём вот сюда!

Они прошли переулком и попали на другую улицу, где снос и строительство не велись, но все дома были расселены и превращены в кафе и рестораны. У одного, оформленного под деревню, стоял плетень с горшками и полотенцами. В другом на плоских досках подавали суши и была мебель в японском стиле. К нему сразу примыкало кафе из блестящего металла и пластика – в духе холодного свёрхтехнологического будущего. Дальше стоял узбекский ресторан, весь покрытый восточной росписью. Здесь были веганский ресторан, экологическое кафе, ресторан грузинской кухни, буддийский ресторан и ресторан, оформленный под средние века. Можно было выбрать то, что нравится. Они свернули в заведение «Ты пришёл». Здесь интерьер был оформлен под шестидесятые годы. На стенах висели толстые отрывные календари, портреты Хрущёва и Гагарина, велосипед «Орлёнок», железный умывальник, счёты с деревянными костяшками, чёрный телефон из тяжёлой пластмассы с диском, буквами и цифрами. Круглые столы стояли без

скатертей. Напитки подавали в гранёных стаканах, а меню – в картонных бордовых папках с тесёмками.

– Шашлычки и пива? Или ты хочешь что-нибудь ещё?

– Шашлык и пиво.

Официантка приняла заказ. Она носила короткую кофту, оставлявшую открытым живот с неглубоким пупком. Это был совсем молодой, нерожавший живот.

– А помнишь швейцара? – спросил Виктор.

Глава 1. Вуглускр

Как Виктор получил сигнал, что должен изменить жизнь, и соседка назвала мужа болотным чёртом

Восьмого сентября 1978 года на Арбатской Виктор неожиданно встретил мать. Они посмотрели друг на друга. Нужна была какая-то секунда, чтобы настроиться и начать говорить так, как они обычно говорили. Рядом ждали, что произойдёт, две подруги. Слева – большая, как Вавилонская башня, Наташка, весёлая, шумная, готовая к бурным эмоциям. Она могла обложить матом их ненормального начальника или весело наброситься на колбасу и торт, отпустив шуточку «Без едьбы что за жизнь!» Справа стояла Софа, сухощавая и в очках. Она умеренно дозировала реакцию. Мать была из них самой красивой. Им с Виктором было жаль друг друга. Обоим приходилось нелегко. Они же знали правду! На секунду показалось возможным сделать не то, что они делали всегда. Но эта возможность мгновенно исчезла. Подруги стояли и как будто ждали. И они стали делать то, что ожидалось.

– Здравствуй, мама! – сказал он со счастливой улыбкой.

– Здравствуй, сынок. Куда это ты мчишься? – спросила она игривым голосом.

Подруги уже улыбались, каждая по-своему: одна во всю ширь, другая – посматривая через очки. Мать работала далеко, на Измайловском парке. Псих-начальник заболел, они пораньше ушли с работы и развлекались.

– Ну, мам, ну, я тороплюсь, меня ждут! – сказал Виктор, уклончиво, скромно улыбаясь, как будто его ждали женщины, девушки, девчонки, свидания – всё, чего не было у неё и ей не хватало.

Все заулыбались ещё сильнее. Наташка – так просто расцвела.

– Ну беги, беги, – кивнула мать, так и быть, его отпуская.

– До свидания!

Виктор радостной походкой сбежал в подземный переход, из которого в разных направлениях, каждый своим путём, выходили люди.

– Ох, красавец он у тебя, Ленка. Всё б отдала за такого мужика! И-их! Где мои шестнадцать лет!

– Мчится, как молодой олень!

– Смотри, аж копытом бьёт!

Это было именно то, что мать хотела услышать.

– Девочки, давайте зайдём в «Весну», я ему рубашку посмотрю.

– А как же!

– Двинули!

Виктор шёл по Калининскому так, как будто у него было важное дело, но куда он идёт, он не знал. Что-то безжалостно гнало его, заставляя быстро шагать по светлому асфальту, на котором, когда он смотрел прямо под ноги, возникали серые завихрения, которые как будто поднимались и могли превратиться в маленькую женщину. Нужно было изменить всё. Он жил не так. Как будто не сам, не своей, а чужой жизнью. Казалось, что новое состояние где-то близко. В него можно было попасть. Оно существовало. Оно заставляло себя искать. Но он продолжал идти не

в том направлении. Он шёл там, где ничего нельзя было найти. По асфальту, застывшей жидкости, одинаковой во всех направлениях, не по камню и не по дереву. Это было вязкое, извращённое море, неестественное, хаотичное, неопределённое, не включённое ни в какой смысл.

– Что же мне так плохо? – крикнул Виктор, остановившись. – Ведь было же всё нормально!

Он жил, учился, окончил институт, работал программистом. А теперь как будто получил сигнал, который всё изменил и сделал ненужным.

На другой стороне проспекта светился ресторан «Новоарбатский». На нём горел голубой глобус с самолётом – реклама «Аэрофлота». Там был бар с коктейлями «Привет» и «Южный», там можно познакомиться с девушкой, но внутрь не пускал швейцар. Мимо него приходилось прорываться.

Виктор перешёл на другую сторону и набрал скорость, чтобы проскочить мимо швейцара. Но тот заметил его и встал, развернув плечи. Ну, отставной кагэбэшник! Любитель повспоминать о золотых годочках в Комитете! Если можно кого-то не пустить, так непременно нужно не пустить! Он же не просто так – человек! Он – оттуда! Никого Виктор не ненавидел, как его! Сейчас он ему устроит! Виктор пошёл на него, увеличивая скорость. Швейцар смотрел, как он приближается, всё шире расставляя руки и всё круче выгибая грудь.

– Целую тебя в нос! – сказал Виктор, когда от лица до лица осталось сантиметров тридцать, развернулся и пошёл назад.

Потом он оглянулся. Швейцар, выкатив глаза, замер, открыв рот, расставив руки и выпятив грудь. Отлично!

– Вот зачем это нужно? – краем сознания подумал Виктор.

Он пошёл по Кольцу к булочной, купил свердловскую слойку, съел на ходу, запил газированной водой за три копейки из автомата, в котором стоял один гранёный стакан на мойке, и остановился. Всё началось ещё раз. Как будто опять пришёл сигнал. Он подумал, что живёт принудительной, вынужденной жизнью. Как будто вместо него живёт кто-то другой – издёрганный, жалкий, замученный, ни на что не способный, не владеющий собой. Вуглускр. Виктор не знал, придумал он это имя или вспомнил из какого-то анекдота. Он не хотел им быть, но Вуглускр жил вместо него, и он, Виктор Ригин, не мог ничего с этим сделать. Он мог только наблюдать за этим откуда-то со стороны.

Виктор собрался пойти к метро Смоленская, но с полпути повернул обратно к «Новоарбатскому», зачем-то дошёл до ресторана, посмотрел на стеклянные двери и прошёл мимо, снова на Калининский. Но с середины проспекта, как будто что-то тянуло его, как за верёвку, повернул, широко шагая деловой походкой, как если бы у него была какая-то цель, к которой он настойчиво стремился. Подойдя к ресторану, Виктор подумал, что сейчас туда зайдёт, но прошёл мимо, повернул за угол и снова пошёл к Смоленской. Дошёл до булочной, повернул и пошёл назад. Тут он увидел своих друзей: Володю, Митю и Колю. Они стояли неподалёку от дверей «Новоарбатского» так, словно что-то решали – и не могли решить. Он сразу заметил, как они странно стоят.

– А что вы тут делаете? – спросил Виктор.

– Да вот, хотели в бар, но стоит швейцар, – не сразу ответил Митя.

Они тоже пришли именно сюда.

– Ну, может, мы всё-таки куда-то пойдём? – сказал Володя.

– Нет, пойдём домой, – быстро сказал Митя. – Я иду домой.

– Правильно! – сказал Коля. – Я тоже.

– И я, – сказал Виктор.

И они разошлись.

...

Лене до работы приходилось ездить полтора часа: пятьдесят минут на метро – утром, когда народу полно, до него – троллейбусом, и там ещё десять минут пешком. Получалось – час двадцать. В этой дороге сошлись проблемы её жизни: что она получила и что не получила. Как у неё всё сложилось. Вся её судьба. Всё остальное – включая психа-начальника, норовившего устроить из восьми подчинённых женщин гарем и разгуливавшего по нему как индейский петух, но в результате каждый раз попадавшего под новый каблук и терявшего от этого остатки мозгов, – она бы ещё перенесла. Он, при всём том, всё-таки был приличный человек, и они с Наташкой и Софой его выручали, когда всякий раз в конце месяца всё грозило ужасным скандалом, мог не выйти журнал «Станкоинструментальная промышленность» или бюллетень «Абразивный инструмент», и он начинал орать, кидаться, умолять и обещать прибавку к зарплате. Этой прибавкой он махал у неё под носом, как морковкой перед осликом. У него из восьми человек работать могли только они трое и две машинистки.

Но дорога её убивала. Она приходила домой такой голодной, что глаза лезли на лоб. Сколько б она ни пила чаю с бутербродами перед выходом – когда доезжала до дому, опять смертельно хотелось есть. А Наташка постоянно ела. Она притаскивала в коробке торт, резала «Отдельную» колбасу с серым столовым хлебом на тарелке, ставила чай с пряниками и бурно всё поглощала. Но через час всё равно говорила: «Опять чего-то хочется. Поесть, что ли?»

Софа хотела стать начальницей, ходила к директору, собиралась переходить в другое место и звала Лену с собой. Но она уходить не хотела. Тут, по крайней мере, всё уже было привычно. А там – неизвестно, что получится. И какая будет Софа начальница. Лена рассчитывала дотянуть до пенсии тут.

У них с Наташкой в метро был разработан один финт. На Измайловской Лена быстренько пробиралась в вагон и садилась. Наташка, здоровенная башня, двигалась медленней. Какой-нибудь дядька нацеливался сесть рядом, но Лена, не вставая, переползала перед ним по сиденью. Дядька совался в другую сторону. Но Наташка в это время успевала подойти и у него перед носом сесть. Так он потом перед ними и стоял.

Но пока она доезжала до дому, уже очень хотелось есть. Первым делом, сняв пальто, нужно было что-то положить в рот.

– Хлебушка с сырчиком, – говорила она вслух. – Рисика отварить.

Но сначала – накормить любимого ребёнка. Отварить ему пачку микояновских пельменей. И освободить кухню соседям, которые тоже хотели есть. На кухне было негде повернуться, и она не любила тереться спиной с Матрёной. Они с Витькой приехали пятнадцать лет назад. Михал с Матрёной тут уже жили. Мать Лены выискала эту квартиру, когда Лена разводилась с Семёном. Она думала, что начнёт новую жизнь. Обмен на Москву считался большой удачей. Она ехала к старым друзьям, к другим возможностям, к любимым родителям. Её родители были не просто интеллигентными людьми, они распространяли интеллигентность. Они ею были. Они научили Лену любить литературу и поэзию. Тут жил её брат, Эрнест, от которого она всегда ждала любви, но получала противоположное. Что бы он ни пытался для неё сделать, каждый раз выходило плохое, даже когда он хотел сделать хорошее. Лена это знала, но всё равно надеялась, что что-то изменится. Она очень хотела, чтобы брат её любил. У неё и так мало кто остался.

Обмен на Москву был райской мечтой, она удивлялась, как такое могло получиться. Это могла организовать только её мать. Но коммуналка с соседями оказалась не новым стартом, а конечной станцией. И она почему-то за неё изо всех сил держалась и боялась неизвестно чего.

Она не могла устроить жизнь из-за того, что жила в одной комнате с сыном. Витьке тоже некуда было пригласить девушку. Но они на эту тему не говорили. Оба сразу чувствовали неловкость, неприличие, грязь и физический запрет. Откровенно они не

говорили никогда. Лена вообще не знала, как об этом разговаривать. Софа однажды принесла на работу журнал «Здоровье» с заметкой про женский оргазм, и оказалось, что Лена этого слова не знает. Она знала только слово «кончать». Слово «оргазм» она слышала, но что оно означает, не понимала и не решалась спросить. Такая выяснилась вещь. Этот журнал они передавали из рук в руки и затёрли до дыр. Оказалось, что никто об этом ничего никогда не читал. Все в первый раз увидели это напечатанным типографской краской.

Полкухни у Матрёны занимал деревянный буфет со стеклянными дверцами и железными ручками. И во всякую дырку было что-нибудь запихано, что-то заткнуто. Михал и Матрёна служили стрелками ВОХР – военизированной охраны, охраняли тюрьму, и вся квартира была забита украденными из тюрьмы вещами. Всякое свободное место было заставлено, всякая щель забита старыми тряпками. Между стеной и буфетом были воткнуты корундовые круги, под плиту засунуты железные рассекатели, а под ванну – чугунные утюги. И уговорить их что-то выбросить было невозможно. А на подоконнике стояла огромная коричневая кастрюля с надписью: «Шестой отряд». Где-то в тюрьме они друг друга и встретили.

Матрёна была баба ничего, с ней Лена могла договориться, они вместе сделали ремонт, побелили в местах общего пользования. Только Матрёна всюду клала лаврушку. Всё ею пропахло. Без лаврушки она никакой еды не понимала, «правда, действительно», как она к каждому слову добавляла. И в суп клала, и в картошку. Даже в макароны. Лена рассказала Наташке, и та прямо ржала. Наташка всегда хохотала во всю мочь, вот хороший человек! А Михал был дерьмовый мужик. Он насканивал в коридоре на Матрёну.

– Я думал, ты – русская народная женщина, а ты – блядь! Кошшка рваная! Уххх! Артистка мосфильмовская! Блядь домодедовская! У-у-у, тюремщица!

Пускал в углу рта белую пену и насканивал прямо к лицу. Про тюремщицу каждый раз повторял обязательно. Матрёна всерьёз не боялась, но на «тюремщицу» обижалась и смотрела сощуренным вороньим глазом. Когда Михал начинал привязываться, она выходила в своём засаленном байковом халате в коридор, чтобы были свидетели. А щуплый, лысый Михал делал вид, что ему всё равно, есть свидетели или нет. Он вылетал из комнаты и прижимал её к стене, оставляя дверь нараспашку. И потом уносился обратно.

– Вот чёрт, сука водяная, – шипела Матрёна, облизывая узкие губы. – Чтоб те господь прибрал, враг! Сам тюремщик, правда, действительно! Ты – враг, враг! – и потихоньку, улучив момент, по стенке осторожно вползала в комнату.

Михал, как кукушка в ходиках, вечно повторял одни и же номера и при этом любил работать на публику. Кроме наскоков на Матрёну и доносов на Витьку («А он тут, пока вас не было, приводил»), он ещё читал толстые романы – напоказ, как отчитывался, что выполняет что положено. Он распахивал дверь, надевал очки, садился с книгой у окна и показывал: «Во, вишь, читаю. Исторический роман». Читать он любил про восстания – Степана Разина, Ивана Болотникова, Кондратия Булавина, Устина Кармалюка и Салавата Юлаева. На стене у него висела картина – лошадь на розовом снегу на синем закате. Про неё он говорил – «Во, это я сам». А на шкафу лежали гармошка и балалайка. Играть он не умел, но иногда доставал и ходил с ними по квартире. Это всё, похоже, тоже было из тюрьмы или лагеря.

У Матрёны висела икона. Она очень интересовалась смертью. Каждый раз, увидев во дворе похороны, выходила, расспрашивала, кто, от чего умер, стояла, слушала, а потом напутствовала: «Царствие небесное, местечко райское». Икона, буфет, кровать с никелированными шариками и круглый стол были Матрёнино приданое. Прописан тут был Михал, а Матрёна переехала из деревни. Так что он считал нужным напоминать, как он её осчастливил.

Когда Семён, бывший муж, носивший при штатском костюме морскую фуражку с гербом, приехал однажды в Москву в командировку и зашёл навестить, Михал,

узрев его, побежал в свою комнату, надел голубой вохровский китель, фуражку с зелёным околышем, встал по стойке смирно и отдал честь.

Семён носил фуражку как память о несбывшейся мечте о плаваниях. Он был сухопутный моряк, любитель красивой формы, которая ему, правда, шла. Увидев друг друга, они бросились обниматься. Они десять лет назад развелись.

– Сёмка! – крикнула Лена.

Семён остался обедать. Он посидел, наверное, часа два. Лена приготовила лучшее, что могла, – рыбу в сметане. Семён это всегда любил.

– Ну что ж, – сказал Семён, собираясь уходить, – я вижу, вы здесь живёте хорошо.

Михал, подвыпив, потом вязался к Лене. Со сладенькой улыбкой начинал задавать вопросы с подковыркой:

– А вы не замужем, да? А к вам гости ходят? У вас муж военный был?

Лена вышла из себя, перевернула веник и от души потыкала им Михалу в физиономию. Тот аж посерел.

Виктору всё казалось ненастоящим, словно он жил не свою, а чужую жизнь. Какие-то другие возможности стремились прорваться в него. Они давили, как вода на плотину. В их непонятном, неизвестно откуда бьющем источнике, о котором он не знал что и думать, для которого не подобрал подходящего слова, случилось что-то, что не позволяло всему оставаться дальше как есть. Он не имел представления, что об этом думать и как назвать. Это было самое плохое.

Ему приснился сон. Как будто он в гостях ухаживает за женщиной. Утро. И в окно видны похороны. Впереди идёт оркестр, музыканты одеты во что попало, сборная солянка. За ними едет зелёная телега с зелёной скамейкой. На ней сидит покойник. Такие странные похороны, но во сне они никому не кажутся странными. За телегой идут люди, довольно много людей, и вся процессия медленно движется. Вдруг покойник открыл глаза и напрягся, чтобы воскреснуть. Он не может кричать. Не может пошевелиться, живые только глаза, и в них страшное страдание. Можно опять стать живым, нужно только, чтобы кто-нибудь чуточку помог. Что-нибудь сказал. Просто хотя бы закричал! Но никто ничего не замечает. Музыканты по-прежнему медленно играют, голуби что-то клюют, летают воробьи. Из-за какого-то пустяка человек не может воскреснуть. Нет чуда! И они смотрят на это из окна чужой квартиры, усталые после бессонной ночи, спокойно, равнодушно, и кроме него никто ничего не замечает. И этот момент уходит, уходит, и сейчас совсем уйдёт. А что он может сделать? Он не успеет. Ему никто не поверит. И тут он почувствовал, что покойник – это он.

Он не знал, что можно изменить. Вуглускр проживал его жизнь и занимал его место. Но что делать? С чего надо было начать? С матерью действовало соглашение не задавать неудобных вопросов. Считалось, что так, как всё идёт, идёт правильно. И что у неё спросить? Она могла только расстроиться. Их жизнь уже была, она существовала, она была неотделима от них. Молчаливое соглашение ни о чём важном не спрашивать действовало в их единственной комнате, на маленькой, окружённой, как остров, территории, которая только и была их домом. Здесь они всё устроили, по возможности, как хотели. Порог был последней границей, которую они защищали.

Входя в комнату из коридора, где висели пахучие шинели, они радовались, что у них всё правильно, как должно быть у интеллигентных людей. У матери был прекрасный вкус, привитый родителями, и всё, что она покупала, бегая после работы по городу и, унижаясь, доставала, – было красиво и соответствовало тому образцу или проекту, который как будто был кем-то придуман и всегда стоял как макет перед глазами. Она достала чешские книжные полки со стёклами. Купили книги: Камю, Тютчев, Цицерон и Сенека из серии «Литературные памятники». Повесили репродукции Сезанна и Сарьяна. Мать купила похожую на перуанскую керамическую вазу. Лёгкий письменный стол, современные кресла, светло-жёлтые

обои, настольная лампа и два дивана, на которых они спали. Виктор считал себя обязанным подтверждать правильность того, как у них всё красиво расставлено. Он даже ходил здесь по-другому. Комната меняла его походку. Ему всегда было здесь хорошо. В этой комнате то, каким он был – по своей воле или нет, – проявлялось наиболее отчётливо. И теперь оказалось, что здесь живёт Вуглускр, который съедает его жизнь. А ему, Виктору, нужно что-то другое. Но как он мог что-то изменить, если его мать все силы отдавала, чтобы поддерживать всё неизменным? Как можно было задавать ей какие-то вопросы? Как поставить их жизнь под сомнение? Он видел каждое утро её печальные глаза, когда она уходила на работу, особенно зимой, когда она выходила в темноте.

А Лена тоже испытывала сомнения. Но она никогда не говорила о них с Витькой, чтобы ему не мешать: у него, ей казалось, была молодость, радость, девушки, Лена очень хотела, чтобы так было. Ей казалось иногда, что жизнь зашла в какой-то тупик. Она думала, почему и что она сделала не так. Но эти вопросы только мешали ей жить. Она не любила об этом думать. Ей нравилось думать о том, какой она интеллигентный человек. Тут она могла дать всем сто очков вперёд. Софа у неё спрашивала, что хорошего почитать, а Наташка и вовсе смотрела в рот. Она всем купила журнал «Москва», когда вышел «Мастер и Маргарита». Она их всех послала смотреть «Зеркало» Тарковского. А Витькой она гордилась и думала, какой у неё красивый, удачливый молодой мужик. Она Софе так и говорила: у меня теперь только один мужчина. Она всё сделала, чтобы он спокойно учился в институте, ничего не жалела. Она ничего не хотела менять. Всё устроилось и шло каким-то определённым ходом. Она считала, что всё может измениться только к худшему.

– Мама, давай поставим Вертинского?

– Давай, если ты хочешь.

Радиолу купил ещё Семён. Вертинского достать было невозможно. Лена раздобыла его через друзей в Союзе писателей.

В опаловом и лунном Сингапуре!

В бурю!

Когда ревёт и стонет океан,

Вы, брови тёмно-синие нахмуря,

Тоскуете одна!

Тай-тари-тари-там!

Тари-тари тари-там!

Тарам-пам-пам!

– Витька, давай сходим к Анне Степановне. У неё есть дочка. Я тебе говорила.

– Хватит!

– Не надо! Ты ничего не понимаешь!

Ей было нужно, чтобы им восхищались.

Виктор отвернулся и увидел своё отражение в стекле книжной полки. На него победоносно смотрел Вуглускр. Виктор отвёл глаза, но потом снова посмотрел. Он отворачивался, но хотел видеть своё отражение. Его голова сама поворачивалась к полке.

Михал и Матрёна надели чёрные шинели и пошли прогуляться. После очередных наскоков в коридоре у них наступал период демонстративного примирения, когда они выходили с видом идеальных супругов. Так же патриархально Михал говорил: «Пойдём, мама, спать, пойдём», – и толкал её к постели.

– А пойдём, пойдём, Миш, – ладно подпевала Матрёна. – Пойдём спать, пойдём, право, спать.

Михал шагал впереди с образцовым видом, оглядываясь, как будто искал, кто за ним наблюдает. Он чаще поворачивал голову влево. Они почему-то должны были быть там. Матрёна шла за ним, сверля его спину вороньим глазом.

- Витька, – сказала Лена. – У тебя остался самиздат? Нужно всё уничтожить. Наташкиному мужу на работе сказали, что будут обыски, могут начать сажать. Собираются закручивать гайки.
- По-моему, есть, – сказал Виктор.
- У него был «Великий террор» Конквеста.
- Надо всё сжечь, пока соседей нет.
- Виктор вынул из стола папку с Конквестом. Они пошли на кухню.
- Лена зажгла духовку и клала в неё машинописные листы. Бумага рассыпалась в пламени.
- Виктор подавал ей пачки бумаги. Лена ворошила их на отдельные листы. Нужно было всё делать быстро. Толстые пачки горели плохо. Из плиты вырвалось пламя. Пошёл дым.
- В дверь звонили. Лена застыла. Зазвонили ещё раз.
- Надо открыть, – сказал Виктор.
- Открой, я потушу, – сказала Лена.
- Виктор пошёл к входной двери, медленно, чтобы выиграть время. Звонили настойчиво, непрерывным звонком.
- Иду, иду...
- Виктор открыл. Там стоял подполковник милиции.
- Что горит? – спросил он.
- Загорелась газета.
- Лена спрятала папку с «Великим террором» в кухонный стол, а духовку залила водой. У неё вдруг всё получилось быстро и точно.
- Пахнет дымом, – сказал подполковник, потянув носом.
- Повязав фартук, Лена вышла в коридор. Подполковник смотрел на неё.
- Всё было, как в её детстве, когда, проснувшись, она увидела в доме ходивших куда попало чужих людей и услышала, что её отец арестован. Сейчас он пойдёт на кухню и найдёт «Великий террор». Такова была её судьба.
- Уже потушили, – сказала Лена.
- Ага. Хорошо, – сказал подполковник. Он, кажется, совсем не хотел вникать в это дело. – До свидания. Будьте осторожнее.
- КГБ распустил слух о предстоящих поисках самиздата и арестах и проверял эффективность воздействия слухов. Подполковник милиции получил задание установить, в скольких квартирах будут что-то жечь. Он обнаружил в районе десять квартир.

Глава 2. Бегство

Как Виктор встретил девушку с медными волосами, не познакомился и попал на вечеринку, с которой невозможно уйти

- Пошла зима. Оконные стёкла обледенели и звенели, если постучать пальцем. Закат начался в три часа. Снег в розовом свете казался приятным и крепким. Темнело не спеша, с ровным спокойствием. Стены делались голубоватыми.
- «Сейчас всё решится», – подумал Виктор. Эта комната была их убежищем, здесь были его вещи, всё, с чем он связан, – здесь должно было прийти и решение. Он подходил к окну и отходил обратно. Он не столько думал, сколько углублялся в какую-то прохладную среду. Как будто должен был снова родиться. Вуглускра не было. Приближалось, всплывало какое-то решение. Но что-то как будто оттирало от него. Как высокая стена. Как только оно подступало, стена становилась мощнее.
- Ночью ему снилось, что он летает. Он сидел, положив руки на колени, на диване. Легко отталкивался ягодицами, поднимался и зависал между диваном и потолком в

сидячем положении. «Я летаю», – подумал Виктор. Он сжал ягодицы и поднялся выше. Без этих усилий он медленно, постепенно опускался. Он летал. «Но никто не видит», – подумал Виктор. Он знал об этом один. Ему могли не поверить. «Нужно сфотографировать», – подумал он. Но этого некому было сделать. Сам он не мог. Надо позвать Михала, чтобы он увидел. Кроме него, в доме никого не было. «Да это же сон, – подумал Виктор. – Сон», – подумал он, продолжая висеть в сидячем положении под потолком, сжимая ягодицы. Белый потолок всё время оставался над ним. Он проснулся лежащим на диване.

Зазвонил телефон. Виктор бросился и схватил трубку.

– Витя, ты меня ещё помнишь?

– Конечно!

– Это Аня.

– Я узнал!

– Я на всякий случай.

– Я помню!

– Ну вот. Значит, слушай. Я звоню, чтобы напомнить. Сегодня день рождения группы.

Когда-то в институте они вычислили «средний день рождения» и начали его отмечать – в придачу к просто дням рождения, Новому году, Первому мая, Дню Октябрьской революции и всем другим праздникам. Это стало частью их жизни, вместе с «Клубом Весёлых и Находчивых», бардовской песней, байдарками, походами и палатками. В институте их компания называлась «все ребята». Пять девушек небольшого роста, входивших в ядро компании и всюду ходивших вместе, для простоты обозначили взятым у преферансистов словом «фоски»: карты от шестёрки до десятки.

– А вы где?

– У меня дома.

– Сейчас приеду.

Виктор стал быстро переодеваться. Он вытянул из шкафа висевшие на деревянных плечиках среди платьев Лены серые брюки и голубовато-синий свитер. Его как будто что-то гнало прочь. Виктор выскочил в коридор, сорвал с вешалки пальто и коричневую меховую ушанку с поднятыми ушами и чёрными тесёмками. Михал открыл дверь и явился, как кукушка из ходиков, – в синей гимнастёрке с офицерским ремнём, широких серых валенках и очках.

– Бежишь? Ну беги, беги.

Он любил напутствия и, если для них представлялась какая-то возможность, никогда её не упускал. Когда Виктор утром уходил в институт, Михал обязательно говорил: «Учись, Витя! И ещё раз тебе говорю: учись! Учитесь, учиться и учиться!»

Виктор проскочил мимо, захлопнул дверь и оказался на улице. «От кого я убегаю?» – подумал он. Ноги сами несли его всё быстрее. Он шёл почти бегом, яростной спортивной походкой, как на соревнованиях, и одновременно настраивался на веселье. Он подумал, что заранее знает всё, что будет у «фосок». Всё превратилось в отработанный, неизменный ритуал. Но голова всё равно заполнялась предстоящим весельем, как будто впереди мерцал какой-то манящий, голубой огонёк.

Виктор впрыгнул в троллейбус и запел:

Вставай, проклятьем заклеймённый,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущённый

И в смертный бой идти готов!

Он не хотел петь. На него смотрели пассажиры. Но Вуглускр пел:

Это есть наш последний

И решительный бой!

С Интернационалом

Воспрянет род людской!

Это надо было прекратить. Чтобы не петь, Виктор пошёл к кабине водителя. На первом сиденье спиной ко всем сидела девушка. Виктору были видны только длинные, лежавшие на плечах медно-рыжие волосы. Сразу что-то сомкнулось. Возникла дуга и ощущение, что от этой женщины нельзя отказаться, как нельзя передать другому свою жизнь. Виктор прошёл вперёд и встал сбоку, чтобы увидеть её лицо. У неё была очень белая, голубоватая кожа, как у всех очень рыжих, розовые губы, розоватый нос и густые брови над серо-голубыми глазами. Виктору вспомнилось: «За рыжую спесь англичанок». Что их соединяло – неизвестно, но что-то властно говорило о возможности и важности контакта. Они были друг другу нужны. Казалось, из пор её кожи прорастал коралл и вращал в него, прорывая невидимую оболочку. Она смотрела вопросительно, наклонив голову набок. Надо было что-то сказать. Он почувствовал, что не может произнести ни слова – сжало горло. Вуглускр не хотел, чтобы между ними что-то произошло. Виктор не мог отойти или хотя бы отвести глаза. Он чувствовал, что неважно, сколько он промолчал, главное – что-нибудь наконец сказать. Но сделать это становилось всё невозможнее. Вуглускр стоял насмерть. Виктор онемел. Девушка смотрела на него, а потом отвернулась к окну. Так они ехали дальше. Троллейбус добрался до конечной, и все вышли. Она прошла, не оглядываясь, и пошла к вокзалу.

Виктор не остановился и поспешил к веселью. Он добрался до «Белорусской», проехал по Бутырскому валу до пятиэтажки с «Гастрономом», на которой сверху висел плакат «Народ и партия едины!», купил бутылку «Гамзы» в пластмассовой оплётке и полетел по лестнице к Ане.

Квартира гудела. В комнате пели:

Мы дружим со сплюнявым Адмиралом,
Он был и остаётся славным малым,
А пинчера гоняли и гоняем
За то, что он, зараза, невменяем!

Орлуша играл на гитаре. Это был его репертуар.

Нам дела нет до бабы бестолковой,
Но к ней гуляет Вася-участковый...

Женька спел:

Но с ней гуляет Вася-участковый...

Орлуша остановился.

– Не с ней, а вот именно к ней! – он тут был Великим Жрецом и Мастером Церемонии.

– Да? – сказал Женька. – Я ошибся?

– Таки да!

Они начали сначала.

Орлуша пел истово, с отдачей, ревностно сохраняя лирически-иронический дух. Если кто-то делал ошибку, он останавливался, исправлял, и куплет пели ещё раз, правильно. Он был большой походник. И любил сложившийся у «всех ребят» фольклор – словечки и поговорки, связанные с эпизодами, которые уже все забыли: «лосиная вошь», «злая рыба осетрина», «ядрёны пассатижи» и «навесить пендаля».

– О-о, кто приехал! – сказала, встречая Виктора, Аня. – «Все ребята», как говорится, в сборе. А для тебя потом будет сюрприз.

Она хорошо смотрелась в новом серо-зелёном платье с длинным рядом маленьких блестящих пуговиц. Аня и сама была маленькая, с круглыми щеками и всеми другими округлостями, стройная, как будто пропорционально уменьшенная, и бойкая. Все, кого Ригин приводил к «фоскам», начинали роман именно с ней. У остальных «фосок» с этим делом обстояло хуже.

– Ригин! – его тут всегда называли по фамилии.

– Прорезался!

– Нарисовался!

– Товарищи, положите ему винегрета! Возьми сёмгу, пока её не съели, – сказала Аня тихо, наклонившись к нему. – Я тебе специально оставила.

На столе стоял фиолетовый винегрет, жёлто-зелёный салат оливье с майонезом, любительской колбасой и зелёным горошком, шпроты, переложённые из консервных банок в глубокую миску, селёдка и болгарские консервированные томаты. Меню «всех ребят» сложилось на первом курсе и с тех пор воспроизводилось без изменений. А пока учились – так чуть ли не каждую неделю.

Виктора тут любили. Его считали значительной личностью, коварным, даже опасным мужчиной и большим ловеласом.

Аня села слева, Виктор чувствовал её маленькое круглое бедро. Справа сидела Зухра по прозвищу Зухрёнок. Ещё три «фоски», Неля, Нина и Ирина, рассредоточились вразброс за столом и громко смеялись. Пока никто из них не вышел замуж, все жили с родителями и работали программистами.

Зухра справа застенчиво взмахивала длинными ресницами.

Боевым приветом,
Красочным ответом
Русская ракета
Целится в зенит.

Пам!
И зимой, и летом
Под дождём и ветром
Бабушку, невесту,
Мать твою хранит!
Мать твою, хранит!

Орлуша, Проша, Ароша и Женька построились в шеренгу и пели, маршируя на месте и задирая ноги. Получался то ли канкан, то ли строевой шаг. Эти четверо были главные «все ребята». Эту свою литургическую песню они пели как гимн с тех времён, когда их в институте гоняли на строевую подготовку, а может, даже раньше, в математической школе. Фига в кармане советской власти. Они крепко держались за плечи.

Генералы из Америки,
Вы напрасно нам не верите!
Скоро будете в истерике,
Как от случая с У-2!
Ать-два!

Били вас прикладом,
Били автоматом,
А теперь ракетой
Вдарим по мозгам.
Встретим, если надо,
Трёхэтажным матом
Трам-тарам-тарам-там,
Трам-тарам-тарам!

Главные «все ребята» крепко выпили, маршировали и орали так, что не хватало дыхания. Они держались друг за друга, чтобы не упасть, и выкладывались целиком, словно произносили символ веры или присягу.

Пусть же враг беснуется и бесится!
Пусть он лезет, если лезется!
Ему навстречу
Наш снаряд взлетит.
В самую серёдку
Поразит!

Паразит!

Покричав и поскакав, они, счастливые, упали на диван и стали целоваться. Их это приводило в состояние экстаза.

– Орлуша, а-а!

– Женька, а-а!

– А-а? Или я не прав?

– Ты прав!

«Все ребята» сгрудились на диване, прихватив Аню и Нелю. Кто-то положил голову кому-то на живот. Кто-то устроился поперёк всех. Кто-то кого-то совсем закрыл. Невозможно было разобрать, где чьи руки и ноги. Все как будто слились в одно тело, у которого несколько голов.

Веселье захватило Ригина, всё это входило в него. Он вдруг почувствовал, что всё прекрасно, они – хорошие ребята, и главное – дружба. Ему было хорошо. Он лежал на диване со всеми друзьями.

– Пошли покурим, – сказал Эдик. – Пора настала.

– Самое время. – сказал Феля.

– Самое о-то-то! – сказал Тит.

– Писец подкрался незаметно, – сказал Попеша.

– Я с вами, – сказала Неля.

– И я, – сказала Ракоша.

Они ушли на кухню. В соседней комнате сидели Анины родители. Они не выходили.

Виктор съел ещё оливье.

«Фоски» выстроились и запели песню об Орлуше.

Он мужчина настоящий,
Обстоятельный мужик,
Путь найдёт в любую чашу,
Продерётся напрямик,
И у нас охоты нету
Пропадать весь век одним,
По байдарке купим летом
И увяжемся за ним!
Да за ни-и-и-м!

– Витя, – сказала Аня, – а я читала Локка.

«Все ребята» считали Виктора интеллигентным человеком. Эта репутация не стоила ему никаких усилий. Они его таким видели, верно это было или нет. Может, это и была его настоящая роль? Они видели его не там, где он был, но там, где должен быть. Аня пыталась найти к нему подход и старалась начать разговор, который его заинтересует. Она думала, что ему интересен Локк. Он должен был что-то сделать, чтобы соответствовать. Что-то сказать. Он вдруг подумал, что находится в кругу верных друзей, которые его понимают, у надёжных единомышленников.

– Ребята, – сказал Виктор, поднимая бокал. – Выпьем! Давайте выпьем. За дело хороших людей!

Ещё не закончив, он почувствовал, что говорит не то. Всё это было ненужно и неуместно. Кому и что он говорил? Что он имел в виду? Какое «дело»? Откуда он взял эти слова? Что-то масонское. Дед Виктора Макс, ушедший в Красную армию из купеческой семьи первой гильдии, воевавший, сконструировавший перед войной танк и отсидевший десять лет, а потом реабилитированный, сказал своему другу, физику, сидевшему за левый уклон, когда они обсуждали прошлое: «Знаешь, я думаю, лучше всего было бы создать заговор хороших людей». Вот оттуда это всплыло.

– Нет, – сказала Неля. – Я за это пить не буду.

Когда она собиралась в гости, мама предупредила, что ГБ сейчас закручивает гайки, ей сообщили на работе: в компании нужно быть очень осторожной и ни в коем случае не вести никаких сомнительных разговоров.

Кто у них стукач, точно не было известно, но считалось, что Серёжка Сергеев. Он сидел за столом и улыбался. Он учился с ними с первого курса, его всегда приглашали. Аня не собиралась с ним ссориться. Она вообще ни с кем не хотела ссориться. Она твёрдо считала, что можно устроить свою жизнь, если поддерживать со всеми хорошие отношения.

– А давайте просто выпьем, – сказала Аня. – Без тоста, – ей хотелось снять неловкость.

Все дружно чокнулись и засмеялись.

Из соседней комнаты вышел Анин отец. Он поздоровался и наметил себе Виктора. Он как будто почувствовал в Викторе оппонента, хотя тот теперь молчал. Он упорно пытался что-то доказать.

– Мы, когда сдавали сессию, шли по Тверской, обходили все кабаки от «Арагви» до «Динамо», – говорил он. – У нас было два любимых места: ресторан «Москва» и шашлычная «Ласточка». Мы приходим – нам накрывают отдельный стол.

Виктор подумал, что разрешена только ирония. Можно было только придушено шутить. И делать это без пауз, всё время. Останавливаться запрещалось. Высказать что-то значительное или серьёзное – тоже. Стоило взять другую ноту, как это сразу почувствовали. Правда, Эдик задавал другой тон. Он постоянно практиковал чёрный юмор. Но это тоже было иронией. Полагалось шутить, как будто иначе разговаривать невозможно.

Дочь архитектора девочка Рита

Чистила зубы куском динамита.

Взрыв прогремел на улице Жданова,

Уши – в Медведково, зубы – в Чертаново.

Но дело было даже не в этом. Виктор подумал, что ему не нужно здесь быть. Вообще не следовало. Он зря поехал.

Раздался звонок.

– Сейчас будет сюрприз, – сказала Аня.

Вошли Володя, Коля и Митя. Виктор последний раз видел их на Калининском.

– Слушай, а что вообще ты тут делаешь? – виноватым голосом спросил Коля.

Он был уже сильно лысый, курносый, с массивным торсом и крутым сократовским черепом, а спрашивал так, как будто они не должны были приходить. Володя и Митя тоже осматривались с таким видом, как будто пришли не туда.

Отец Володи в двадцатые годы был подающим надежды дипломатом и остался в живых во время чисток только потому, что, уловив, к чему идёт дело, взял вместо настоящей фамилии псевдоним, попрощался с товарищами и попросил перевести его в Среднюю Азию преподавателем для укрепления местных кадров. О нём забыли. Он женился в Ташкенте на учительнице, а через тридцать лет вернулся в Москву. Он старался не выходить из комнаты, заставленной пересохшими книгами, брал переводы на дом, закладывал в уши вату, хотел жить взаперти и поскорей умереть. Старую фамилию он возвращать не стал: прежнего человека больше не было. Володя поступил на монгольское отделение. Для более престижного японского не хватило анкетных данных. Он работал в Институте Монголии при МИДе, изучал древнекитайские хроники и читал философские тексты даосов, а в качестве переводчика обслуживал монгольские делегации. Монгольских начальников он презирал и ненавидел, рассказывал, что они идиоты и привозят в Москву плохо сшитые кожаные пиджаки, которые стараются через него продать. На работе у него постоянно разыгрывались скандалы из-за того, что он убегал от монголов и заводил романы с членами делегаций молодёжных движений из

капиталистических стран: финками, канадками и француженками. Каждый раз он дрожал и кричал в отчаянье, что погибла карьера. Но ему почему-то прощали.

Митя доучивался в вечернем институте. Он ушёл с геологического факультета на педагогический. Он уже второй раз менял институт, страшно пугая родителей. Они боялись, что он попадёт в армию. Но оба раза доставали ему нужные справки.

– Я же не смогу тебя в этот раз освободить! – кричал его отец.

– Сможешь! – отвечал Митя.

– Можно кончить любой институт! Это всё равно! Просто нужен диплом!

– Ну, я лучше знаю, что мне нужно.

– Что? Хотел бы я знать!

– Во всяком случае, я знаю, что мне не нужно.

– Ты сидишь у меня на шее!

Митя жил в постоянном конфликте с ними, но из их двухкомнатной квартиры не уходил.

Некуда. «Они жруны», – говорил он о родителях и поворачивал головой из стороны в сторону. Он делал так, когда был чем-то недоволен и озабочен, как будто хотел освободиться от верёвки, которой был привязан. Его мать потрясающе умела готовить и закручивать баночки с разными салатиками и укропчиками. Отец, двухметровый богатырского телосложения еврей, в войну служил офицером полковой разведки. Митя был такого же роста. Как-то Виктор с Митей и его отцом возвращались с фильма Антониони. Его отец сказал: «Это фильм о том, что у них людям непонятно, как жить. Но у нас это понятно».

Коля закончил тот же факультет вычислительной техники, что Виктор и «все ребята».

Он во всё кидался и сразу становился лидером. На первом курсе он занялся математикой – и получал повышенную стипендию. На втором начал играть в футбол – и создал команду, с которой стал выступать за институт. На третьем он с командой засел в пивной на Покровке – и потащил туда с собой полфакультета. После пивной они выбирались на бульвар петь матерные частушки. После каждой хор пел:

– Колька, врешь!

– Да хуль мне врать!

– Побожись!

– Да будь я блядь!

Частушки были редкостными и подлинными, не все специалисты их знали. Коля с друзьями, купив московской колбасы для подарков, ездили за ними под Саров и обнаружили целые залежи у местных старух. Люди специально приходили на бульвар послушать. Дело закончилось дракой с милицией. Отец Коли, редактор телевидения, дал за него взятку. Потом Коля занялся женщинами. Он жил с первой красавицей и отличницей, которая целый семестр вместо учёбы сидела с ним в пивной. Но что-то бросало его, не давая остановиться. Он стал знакомиться с посетительницами пивной, заразился венерической болезнью и провёл три недели за решёткой в диспансере, где отбирали паспорт и не выпускали до конца лечения. Там у него очень болезненно взяли мазок. Потом он начал писать стихи и стал показывать их Виктору. Он тоже видел Виктора не таким, каким тот был. Может, он и должен был стать другим?

– Может, пойдём отсюда? – умоляюще спросил Володя, как будто у него не хватало сил, и решать надо было вместе. – Давай всё-таки уйдём, а?

Митя тоже оглядывался и смотрел, что они решат. Виктору опять показалось, что он тут почему-то – ключевая фигура.

Они танцевали. Стол отодвинули к стене. Володя обнимал худую, самую высокую в комнате Нину. У «фосок» она единственная отличалась ростом и тонкой талией. Володя что-то весело ей рассказывал. Коля, распрямив могучую грудь и улыбаясь медвежьими маленькими глазками, держась подчеркнуто вежливо, танцевал с Зухрёнком. Она таяла. Мужчины для неё были загадочными существами, один из которых должен был стать отцом её детей. Все «фоски» читали книгу доктора Спока

о гуманистическом воспитании. Чёрной блестящей макушкой Зухра доставала Коле до груди. Она всегда чувствовала, что кто-то должен быть главным и командовать, а она будет подчиняться. Во всякой ситуации она искала главного. Митя танцевал с Нелей на дистанции, на расстоянии метра. Он переступал на месте, крутил головой и широко улыбался с таким выражением лица, как будто кому-то говорил: «Ну, посмотри, что я тут делаю?».

Анин отец наблюдал с дивана. На столе оставался бордовый винегрет и селёдка.

Эдик, Феля, Тит, Ракоша и Попеша вышли курить. У них был ритуал.

- Доставай, – сказал Феля.
- Самое время, – сказал Эдик.
- Самое оно, – сказал Тит.
- У тебя что? – спросил Феля.
- «Ява» дукатская, – показал Тит.
- «Ява» явская, – показал свои Феля.
- Будет то, что надо, – сказал Эдик.
- Самое о-то-то, – сказал Тит.

Магнитофон играл Азнавура и Челентано.

Виктор танцевал с Аней. Она прижалась к нему всеми горячими точками. Виктору казалось, что его охватывает и втягивает тёплое облако. Оно было ненужным, но позволяло не думать о том, чего он всё равно не мог сделать. Аня считала, что у Виктора было множество женщин. Такое мнение сложилось, потому что его видели с очень красивыми девушками. Он старательно поддерживал эту репутацию и держался победительно, как Дон Жуан. При этом он оставался девственником и не знал, что с этим делать. У него была только комната с матерью. Заниматься этим в каком-нибудь подъезде он не мог.

– Ай! – завизжала Неля, которой мама советовала опасаться на вечеринке стукачей. У Мити из рукава выскочил хомяк. Он принёс его во внутреннем кармане пиджака. Неля завизжала «Мышь!» и отскочила. Хомяк замер на полу. Митя наклонился, поймал его, погладил и опять посадил подмышку. Хомяка он везде носил с собой.

Виктор поменялся с Володей партнёрами: теперь он танцевал с Ниной, а Володя – с Аней. Потом залихватски оставил Нину и подхватил Ирину. Ирина заулыбалась. Гусарские выходки были частью его амплуа. Зачем он так делал? Почему нужно было строить из себя сексуального героя? На самом деле ни одна из «фосок» ему не нравилась.

– Ну, – спросила Аня. – тебе понравился сюрприз? Сейчас будет ещё. О, вот они!

Вошли Алик, двоюродный брат Виктора, и Гришка, друг детства, которого Виктор уже много лет не видел.

Алик с детства не любил читать и поэтому оказался нелюбимым внуком Макса. Бабушка Тоня старалась удержать всю семью при себе. Оба внука жили в квартире у бабушки и деда. Но отношения Эрнеста и Лены всё время что-то осложняло. И замысел удержать их всех вместе оказался под вопросом, хотя Тоня от него никогда не отказывалась.

Алик вырос широколицым брутальным брюнетом. Его выгнали из института за спекуляцию джинсами. Их привозил из-за границы номенклатурный отец его однокашника. Вместе они и торговали. Кроме как у спекулянтов или в «Берёзке» за валюту, достать джинсы было невозможно. «Левис» и «Вранглер» были мечтой. У Виктора их никогда не было. Лена мечтала ему их купить.

Гришка был сыном близкого друга Макса, с которым тот обсуждал заговор хороших людей. Виктор дружил с ним в детстве. Потом они разошлись. Гришка улыбался так же, как в детстве, когда на даче они бегали жечь костёр на волейбольную площадку. Гришке всегда требовалась компания: он хорошо себя чувствовал в любом обществе, но остаться одному было для него мучением.

– Здравствуй, Витя, – сказал Алик.

– Как дела?

– Знакомься. Моя жена. Света.

Рядом стояла девушка в белой трикотажной блузке с вырезом, в прозрачных колготках, на каблуках, с гладким лбом и вздёрнутым носиком. Вокруг неё разливалась аура ухоженности и материальной обеспеченности.

Алик не собирался всю жизнь унижаться, как отец. Он не собирался подчиняться. Он помнил, как во время скандала с джинсами Эрнест панически кричал и боялся потерять партбилет. Алик хотел пробиться наверх.

Света было дочерью волейбольного тренера, уехавшего на три года с женой тренировать сборную Северной Кореи. Света осталась в Москве. В постели с Аликом она совершенно сходила с ума, орала и просила: «Ещё, пожалуйста, ещё». Теперь он жил в четырёхкомнатной номенклатурной квартире.

Аня дружила со Светой со школы и узнала, что Светин муж – родственник Виктора. Алик прихватил Гришку.

– Ну, как? – сказала Аня. – Как тебе мой сюрприз?

Алик танцевал со Светой, Виктор – с Аней. Гришка познакомился с Нелей.

Вдруг Виктор почувствовал толчок, как будто услышал, что кто-то ясно сказал: уходи.

– Слушай, может мы пойдём из этого кошмара? – почти тут же сказал Митя.

Хомяк выглядывал у него из кармана. Митин отец говорил: «Вместо того чтобы завести себе девушку, он таскает в кармане хомяка».

– Пошли, – сказал Виктор.

– Пошли.

Володя и Коля повернулись к ним. Они как будто понимали друг друга без слов. Все четверо стали собираться.

– Мы ещё созвонимся, – сказал Витя Ане.

– Да, обязательно, – сказала Аня.

Виктор почувствовал, что его что-то удерживает. Ему захотелось кого-то пригласить с собой. Взять с собой всех.

– Эдик, – сказал Виктор, – поехали с нами.

И почувствовал, что сделал неправильно.

– Не, – сказал Эдик. – Я лучше тут, – он хотел оставаться с кавээном и бардовской песней.

Отец Эдика был классическим электронщиком из закрытого «ящика». Он делал большие военные компьютеры. Раз в неделю он приносил с работы заказы: растворимый кофе (большую редкость) и колбаску, которую мать Эдика, улыбаясь, прятала в стальной холодильник «ЗИЛ». Эдик следовал советам отца и стал программистом. У него случались приступы мрачной неподвижности, когда, не в силах встать с кресла и двинуться, он сидел и грыз ногти.

– Пошли, пошли, пошли, – торопил Володя.

– Да-да.

– Приходите к нам в гости, – сказала Света.

– Увидимся, – сказал Гришка.

Виктору хотел позвать его с собой. Но Гришке тут было хорошо. Он любил быть там, где больше людей.

– Идём уже! – подтолкнул Митя.

Они вышли и стали на Бутырском перед «Гастрономом» с лозунгом.

– Ну, куда?

– Поехали ко мне, – сказал Володя.

– Поехали, – сказал Митя.

Орлуша запел снова.

Аня сидела со Светой на диване и слушала про Алика. Света, лучась от счастья, рассказывала, как хорошо они живут.

Подошёл Тит.

– Эдику нехорошо.

Эдика рвало в туалете. Аня открыла дверь, посмотрела, вошла, взяла тряпку и занялась его проблемой.

КГБ нужно было оценить рост числа проявлений осторожности и сдержанности в компаниях. Сергей Сергеев зафиксировал эти проявления на вечеринке. «Правильно они закручивают гайки! – думал Сергей Сергеев, вздрагивая от удовольствия. – Очень хорошо! Так и надо!» Ему нравились песни Орлуши про пиратов и собак. Он любил у «всех ребят» повеселиться, посмеяться, но обожал крепкую руку.

Оглавление

Пролог.

Как Виктор через двадцать лет встретился со старым другом

Глава 1. Вуглускр

Как Виктор получил сигнал, что должен изменить жизнь, и соседка назвала мужа болотным чёртом

Глава 2. Бегство

Как Виктор встретил девушку с медными волосами, не познакомился, и приехал на вечеринку, с которой невозможно уйти

Глава 3. Донская

Как Виктор и его друзья пили чай у ослабевшей тётки и решали, можно ли что-то изменить

Глава 4. Застрахованный дом

Как Виктор прошёл испытание, разгадал секрет мертвецов и начал жизнь на новом месте.

Глава 5. Антонина и Корнелия

Как Виктора нашли прежние друзья, Аня поняла, что его любит, а перед матерью Виктора опустился на колени незнакомец

Глава 6. Материальная ответственность

Как Митя уехал в деревню учителем, Виктор попал в дом отдыха ЦК ВЛКСМ и опять встретил девушку с медными волосами

Глава 7. Маша

Как Виктор разговаривал с девушкой с медными волосами о боге, Володя приехал на двух машинах, Коля не мог выйти из своего тела, застрахованный дом снесли, Виктор остался среди живых и вернулся на прежнее место

Глава 8. Гришка

Как Гришка хотел девушку, как они познакомились с вольником, и у Виктора осталась Аня

Глава 9. Аня

Как Аня хотела, чтобы Виктор приехал на дачу, а Виктор вновь услышал сигнал

Глава 10. Алик

Как двоюродный брат Виктора хотел жениться на дочери олимпийского тренера и купил место мясника

Глава 11. Дача

Как Виктор приехал на дачу, загорал возле грядки с клубникой и вспомнил отца.

Глава 12. Эдик и Лариса

Как новый начальник пытался создать мотивацию с помощью Ларисы

Глава 13. Искусственный интеллект

Как двоюродный брат Виктора прятался от кредиторов и милиции, Ладос принял Виктора за Ларису, соседка посадила мужа за хулиганство, Виктор

узнал, что не увидит сына, и появилось мнение, что не нужно производить персональные компьютеры

Глава 14. Габусик и Вавочка

Как Гришка пригласил Виктора быть свидетелем на свадьбе, Виктор обидел свидетельницу, и встретил родных и Вуглускра

Глава 15. Макс и Тоня

Как дед и бабушка Виктора сказали последние слова, и двоюродный брат Виктора, которого разыскивала милиция, позвал его мириться в ресторан «Прага»

Глава 16. Вольник

Как Гришка хотел куда-нибудь пойти, Виктор ушёл от него и написал рассказ об отце, и Гришка встретил вольника

Глава 17. Дедал

Как Виктор встретил человека, который изменил жизнь, и боялся показать рассказ, как Дедал летал на махолёте по чертежу Леонардо да Винчи, Виктор встретил Машу в археологической экспедиции, и отдыхающие бежали от егеря, который назвал их людьми двадцатого века

Глава 18. Не смейтесь

Как сосед, помолодев, вернулся из тюрьмы, соседка пустила его в дом, и они начали новую жизнь, и милиция запрещала улыбаться

Эпилог

Как Виктор и Володя решали, был ли смысл в их жизни

...